

ЗАПРЕТ НА РАЗЖИГАНИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РОЗНИ: ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И РЕАЛИИ

© 2011

П.К. Гречко

В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещается “разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни”. “Социальная” терминология присутствует также в ст. 19 (имущественное положение, социальная принадлежность) и ст. 29 (социальная ненависть и вражда, социальное превосходство) Основного закона нашего государства. А вот в Уголовном кодексе РФ, призванном конкретизировать и раскрывать общие конституционные положения, “социальная рознь” уже не фигурирует. Ст. 282 УК РФ, принятого Государственной Думой 24 мая 1996 г., имела следующий вид: “Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды”. В тексте последней, ныне действующей редакции этой статьи (от 05 января 2006 г.) находим еще большие изменения: “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”. Можно предположить, правда, что занимающий нас аспект имплицитно содержится здесь в выделении “принадлежности к какой-либо социальной группе” — в описании-раскрытии рассматриваемой статьи: “1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации...”

Для нашего этнонационального бытия с его повышенной чувствительностью к “социальному вопросу” такое “выпадение” кажется, по меньшей мере, странным. Свою задачу я вижу в том, чтобы привлечь внимание к этой “странности”, высветив ее проектно-интеллектуальные, а в перспективе — и правовые грани.

Для начала проясним само понятие “социальная рознь”, тем более что однозначности в его трактовке как не было, так и нет. С рознью все более-менее ясно — это чувства неприязни, антипатии, ненависти, сопровождающие конфликты на их конфронтационной или антагонистической стадии развития. Не столь ясно с социальной определенностью конфликта и, соответственно, розни — ведь “социальное” и “общественное” в известном смысле синонимы. Полностью устранить смысловую размытость тут вряд ли возможно. Но если придерживаться страте-

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Гречко
Петр**

Кондратьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов. В журнале “Человек” публикуется впервые.

E-mail:

p.grechko@rudn.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

гического “в конечном счете” и иметь в виду ситуацию в целом, то разумно настаивать на том, что собственное, или специфически-сущностное, содержание социального — в его соотношении с рознью — очерчивается доступом к основным ресурсам общества, в ряду которых на первом месте оправданно стоит богатство. Богатство же всегда “оттеняется” бедностью, а значит, речь нужно вести о социальном неравенстве, о контрасте (конфликте) богатства и бедности в обществе.

В фундаментальности и каузальной (“причиняющей”) действительности феномену социальной розни отказать нельзя. Почти всегда он стоит за национальной, расовой и религиозной формами вражды, определяя их актуальность и фактическую остроту. Когда ставят вопрос напрямую “Кому это выгодно?”, то на социальное поле чаще всего и выходят. Более того, национализм, расизм и религиозный экстремизм нередко используются для идеологического прикрытия (сокрытия) воспаленных социальных корней.

Возможно, впрочем, что мы сталкиваемся здесь с диалектикой “закон-беззаконие”, с чем-то вроде компенсации за слишком жесткую и однозначную актуализацию лишь определенных видов или форм вражды — в духе Жюль Делеза и Мишеля Фуко: “... законы не противостоят незаконностям глобально, а вполне недвусмысленно используются как средство, с помощью которого обходятся другие законы”¹. Проще говоря, не исключено, что отсутствие правового запрета на разжигание социальной розни служит делу выпуска пара, накапливаемого в уголовно наказуемых проявлениях национальной, расовой и религиозной вражды.

У социальной розни два противоположных конца, два полюса — богатство и бедность. И, соответственно, два вида “возбуждения” — против богатых и против бедных. Трудно сказать, какой из них опаснее или вреднее — все зависит от конкретных обстоятельств времени и места, от состояния умов, некоей общей атмосферы в обществе и т. п. Скажем, в исторически устоявшихся обществах, где частная собственность обрела статус неприкосновенной (священной), а социальная конфронтация медленно, но верно уступает место социальному партнерству, различным союзам и компромиссам, где право на достаточно (не ниже прожиточного минимума) обеспеченную, не оскорбляющую человеческого достоинства жизнь значится в качестве важнейшего приоритета социальной политики государства, — там, в тех условиях особенно нетерпима бедность. А в России — цивилизации сравнительно молодой, где многое еще не перебрало, не устоялось и не отложилось, общественное сознание особенно чувствительно к вопросам социальной справедливости и богатства. И дело здесь не только в “родимых пятнах” социализма, в тяжелом наследии эпохи “исторического материализма”, КГБ и ОБХСС, не в том, что мы все еще (многие из нас) “родом из марксизма”. На самом деле все глубже и сложнее. Важно понять в данной связи, что мы сегодня переходим (подчеркнем: в плане менталитета — самого глубокого основания всех исторических изменений) не от социализма к капитализму, а от России — к цивилизованному рынку, свободной конкуренции и лично суверенной демократии. Не будет преувеличением сказать, что призрак Шарикова (“Взять все, да и поделить...”) начал бродить по России задолго до Октября 1917. Кстати, социологические опросы показывают, что гораздо больше людей у нас хотели бы “делить”, чем “создавать”. Нельзя не видеть также исторической переключки перестроечного “пипл все схавает” с дореволюцион-

¹ Делёз Ж. Фуко. М., 1998. С. 54.

ным аристократически-барским презрением к черни, быдлу. Выразительна на этот счет и статистика — в форме так называемого децильного коэффициента: разрыв между богатыми (10% самых обеспеченных) и бедными (10% самых необеспеченных) у нас огромный — более чем 15 пунктов. Для сравнения: в индустриально развитых европейских странах указанный разрыв укладывается в 6–8 раз. Критической здесь считается цифра 10 — за ней уже возможны социальные беспорядки. Обнадеживает, правда, динамика: она медленно, хотя и неравномерно (для отдельных категорий населения), начинает складываться в пользу бедных. И это, заметим, отвечает новой, недавно обозначившейся перспективе (пока только на Западе) — измерять человечность общества “качеством жизни слабейших его членов”. Разразившийся финансово-экономический кризис вносит, конечно, свои коррективы. Но это все-таки конъюнктура, пусть и глобальная, а у нас речь о долгосрочных (эволюционных) тенденциях.

Для того чтобы правильно сориентироваться и адекватно, с учетом перспективы, оценить социальную ненависть или вражду, необходимо тщательно разобраться в самих понятиях богатства и бедности, тем более, что в отечественном дискурсе богатства и бедности много не артикулированного, доминирует слово-крик (злоба, накал страстей, эмоции, чувства), а не слово-логос (законные и рационально фундированные интересы).

Вопрос о богатстве лучше всего ставить генеалогически: откуда, из чего оно растет или проистекает? Ответы, как всегда, разные: и позитивные, и негативные. Позитивные: своим происхождением богатство обязано трудолюбию (неустанной и продуктивной деятельности), умеренности, бережливости; это — награда за способность проявлять инициативу, за мужество рисковать и “пользоваться собственным умом”; возможно даже, что здесь имеет место случай-удача, неисповедимое проявление судьбы и пр. Негативные: богатство есть не что иное, как кража, обман, воровство, результат эксплуатации чужого труда, неизбежная сделка с собственной совестью, полное игнорирование моральных категорий добра и зла, скупость, алчность и т.д. Тот же позитивно-негативный расклад наблюдается и на противоположной — “бедной” стороне. Позитивный ряд: бедность (не путать с нищетой) — внешнее выражение морального здоровья, высокой нравственности, духовной чистоты помыслов и дел, единственный способ обеспечить себе жизнь вечную. Негативный ряд: бедность — порок, результат лежачества и лени (национальные герои: в фольклорном сознании — Емеля на печи, в художественной литературе — Обломов на диване), свидетельство невезения, сломанной судьбы, наказания за грехи наши тяжкие. Не надо быть знатоком русской души и российской специфики, чтобы с уверенностью констатировать: в подавляющем большинстве народ наш выбирает негативное отношение к богатству, отождествляя его с челсами, куршавелями, гламурными форумами роскоши, и понимающее, сострадательное — к бедности.

Высказывались и высказываются, впрочем, иные мнения. У Ф.М. Достоевского, например, особое отношение к “униженным и оскорбленным”. По верному наблюдению М. Мамардашвили, «он обратил внимание на то, что нищета — это ведь тоже обладание, тоже своего рода гордыня и способ угнетения других. И “обладая нищетой”, можно быть таким же негодяем, какого формирует обладание богатством»².

² Мамардашвили М.
Как я понимаю философию. М., 1992.
С. 129.

Некоторые трансцендентно-веровательные мотивы в сопоставлении богатства и бедности подталкивают к мысли: а может, все дело в религии, в самой по себе религиозности русского народа? Действительно, Новый завет — священный текст всех, в том числе и православных, христиан, не устает осуждать богатство и богатящихся. Как сказано, в частности, в Евангелии от Марка (10.25): “Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие”. Или вот еще — в Первом послании апостола Павла к Тимофею (6.10): “Ибо корень всех зол есть сребролюбие...”.

Вряд ли, однако, такое понимание евангелических текстов является единственным и столь однозначным. Принуждения к несомненно отрицательному восприятию богатства в этих текстах нет. Есть другое: ангажированность в чтении, акцентированность в интерпретации, селективность в подборе материала. Сошлемся на протестантское историческое толкование христианства. Оно непривычно и удивительно (а также, как показала жизнь, и состоятельно, причем не только в материальном смысле): к Богу ближе не нищие и убогие, а богатые и преуспевающие. Вообще богатство выступает здесь в качестве положительной социальной ценности: можно быть богатым и честным (совестливым) одновременно. Вот типичное протестантское рассуждение: если перед вами открывается перспектива заработать больше, а вы почему-то упускаете этот шанс, не используете выпавшую возможность, то вы, по сути, совершаете грех. В православии сама мысль заработать больше уже греховна.

Религиозные основания в осуждении богатства отрицать нельзя. Но они идут дальше религиозности как таковой: мы все-таки толкуем Библию. И религиозные основания питаются соками жизни с ее примордиальными архетипами. Любопытная, хотя и чисто литературная, деталь: одной из первых вербальных реальностей, которую освоил Шариков в своей эволюции от собаки к человеку, было слово “буржуй”.

У нас не любят не столько богатство, сколько богатых, в особенности скоробогатых. В ответ на известную сентенцию богатых: “Если вы такие умные, то почему вы такие бедные?” бедные столь же вездельно замечают: “Если, как выясняется, вы не такие уж и умные, то почему вы такие богатые?”

За помощью в объяснении этой взаимной пикировки чаще всего обращаются к зависти — в ней-то, мол, и вся суть дела. Что ж, чувство досады от благополучия, успехов другого из психологии человека вытравить нельзя, но опять же работает оно не автоматически и не автономно, всегда есть более конкретные, непосредственно провоцирующие условия и обстоятельства. Зависть, как известно, бывает белой и черной. Белой — когда есть стремление dorasti, подтянуться до другого. Черной — когда невозможно избавиться от искушения унижить другого, опустить его до своего уровня и жизненного масштаба. Богатство, богатые традиционно окружены у нас завистью черной, слепой, тяжелой — работает своеобразная презумпция виновности. И ход у этой зависти замкнутый, круговой: мы обвиним богатых в нечистоплотности, алчности, воровстве и других смертных грехах, но, не создавая в должной мере и нужной полноте ни правовой среды, ни моральной атмосферы для честного бизнеса, сами же и толкаем их на постоянное ловкачество и укрывательство, на поиски обходных, неправых, нерыночных путей, на крышевание, откаты, навары и т.п. Можно в этом плане ставить вопрос об Эдиповом эффекте,

или о самоосуществляющемся прогнозе: мы уже заранее знаем, что можно ожидать от человека в бизнесе, и ему не остается ничего другого (иначе, хоть это и удивительно, — полное непонимание), кроме как подтвердить это ожидаемое поведение. Уместно сослаться здесь также на К. Маркса, отмечавшего, что “зависть представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет”³.

Как легко заметить, в приведенном нами сопоставлении богатства и бедности много народной фантазии, контрастной черно-белой про(до)рисовки, стереотипов обыденного или повседневного восприятия действительности — словом, мнения, а не знания. Переход к знанию в этой проблемной ситуации предполагает обращение к “предельному” вопрошанию, к поиску последних причин социального неравенства в (нашем) обществе. Одновременно это движение от юридически-правовой легальности к нормативно-ценностной легитимности.

Как это ни покажется странным, но конечные причины неравенства между людьми кроются не в отступлении от какого-то исходного равенства, а в неравенстве же. Тавтология исчезнет, если под первым понимать нечто социальное, а под вторым — опять же нечто природное. Природное, а фактически природно-генетическое неравенство людей не нуждается в доказательстве — оно самоочевидно. Генетики, психологи, представители других наук единодушны в том, что люди приходят в этот мир неравными, с неодинаковым жизненным потенциалом, с разными задатками, которые затем развиваются (или не развиваются) в соответствующие способности (умения, мастерство). Общество развивает, но не создает задатки человека. Они — фактическое обстоятельство, данность, которую остается лишь принять. Люди здесь бессильны что-либо отменить или изменить. На этом основании некоторые исследователи вообще отказываются рассуждать о природных основаниях социального неравенства. Дар Божий или природный, так устроен мир, таков уж человек — обычные в таком случае суждения. Ими искусственно прерывают теоретическую рефлексию над предельными основаниями человеческого неравенства. Между тем здесь как раз и начинается настоящая проблема. Есть основания думать, что в природе царит произвол или случай, выражающийся в несправедливом распределении естественных талантов, которое неизбежно переносится на социальные институты, общественное устройство, человеческое бытие в целом.

Природно-генетические основания человеческого неравенства определяют то, что можно было бы назвать потолком (пределом) в развитии или культурном росте человека. Конечно, можно сказать, что эти основания не актуальны для рассматриваемой проблемы, поскольку в создаваемый ими потолок люди вообще-то “не упираются”. Они просто не реализуют, по меньшей мере до конца, все заложенные в них задатки (предрасположенности, наклонности). Любой человек может якобы неограниченно и неисчерпаемо развиваться. В подобных рассуждениях есть резон, и даже не один.

Первый резон: ни одно из современных обществ (не говоря уже о предшествующих) не создало и не имеет реальных условий для действительно всестороннего, исчерпывающе-полного развития всех своих членов или, по крайней мере, их большинства. Что же касается развития меньшинства, то это особый вопрос. Меньшинство имеет много преимуществ, льгот, преференций, к тому же “темный” фон

³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 586.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

большинства не стимулирует его “идти до конца”, выбирать свои, судьбой данные пределы (отдельные приятные исключения не в счет). Конечно, надо быть реалистом и понимать, что конкретно-историческое общество (уровень развития его институтов) может позволить себе лишь вполне конкретное человека, добавим — в массовом, статистически-множественном его представлении. Определенные отклонения в ту или иную сторону здесь, безусловно, могут быть (и есть), но они определены конкретными обстоятельствами, исторически ситуативны. К примеру, в недалеком прошлом всеобщая грамотность не была насущной для общества; исторически оно не могло позволить себе такую роскошь. А сейчас в технологически развитых странах всерьез обсуждается вопрос о всеобщем высшем образовании. Значит, появилась такая потребность, ее удовлетворение — условие и залог будущего, более ускоренного и гуманного продвижения вперед. Но в целом современные общества имеют свои ограничения на раскрытие внутреннего потенциала человека. В таких условиях люди, как правило, не видят и не оценивают свои собственные пределы, наоборот, пределы и ограничения они резонно видят на стороне общества. Поэтому чаще всего человек вправе винить общество в том, что оно не обеспечило надлежащих условий для реализации или материализации всего его внутреннего богатства.

Второй резон известной неактуальности природно-генетических оснований человеческого неравенства лежит, что называется, на поверхности: человек — существо многогранное, и какие-то затруднения в одном плане или направлении могут компенсироваться неиспользованными резервами в другом. Иными словами, оказался не на своем месте, исчерпал свои силы и возможности в одном деле — займись другим. Целостность и внутренняя взаимозависимость различных сторон человеческого существа свидетельствуют в пользу именно такой точки зрения.

И все же, как нам представляется, приведенные резоны не снимают вопрос об ограниченности или “потолочности” дискретно-индивидуального развития человека. Кроме того, нельзя оставить без ответа и вопрос о тех направлениях или планах деятельности, которые человек почему-то исчерпывает. Как ему относиться к своему пределу-потолку? Молча согласиться или же всю жизнь бунтовать, к чему призывал А. Камю (правда, в рамках несколько иной проблематики). Вопросы далеко не праздные.

Рассмотрим весьма красноречивый пример — случай Моцарта и Сальери. Но не как действительный случай или практически реальное событие, а как литературный образный комплекс, созданный гением А. Пушкина и других мастеров мировой культуры, как идеально-типическая конструкция, идеальный тип в смысле М. Вебера⁴. Так будет легче заострить и прояснить проблему.

Моцарт — гений, творящий, что называется, по Божьему вдохновению, легко и свободно. Сальери всю жизнь пытается постичь Моцарта, подняться на вершину его гениальности. Но — не дано ему “алгеброй поверить гармонию”, овладеть секретами, раскрыть тайну гениальности. Так где-то на полпути к вершине он и останавливается, несмотря на колоссальные, поистине нечеловеческие усилия преодолеть свой барьер, превзойти свою ограниченность. По-человечески Сальери очень понятен — так стараться, положить все силы на то, чтобы быть выше самого себя, и напрасно. И есть ведь успехи, многое

⁴ На самом деле многое было иначе. То, что Сальери отравил Моцарта, — легенда. По свидетельству современников, не был Сальери и завистником. Более того, это у Сальери, а не Моцарта, дела (понимание и признание) поначалу шли лучше.

достигнуто, но в целом, а главное — на фоне Моцарта результат все-таки ничтожный. Однако жаловаться некому: жребий избранничества выпал не ему, а Моцарту. Но почему, собственно? Чей это произвол? Природы? Тогда она несправедлива. Бога? Тогда к месту знаменитые слова Дж. Мильтона: “Пусть я попаду в ад, но такой Бог никогда не заставит меня уважать себя”⁵. Почему человек должен всю жизнь чувствовать себя неполноценным, отвечать за то, в чем он не принимал участия, чего не выбирал, даже не желал, к чему не имел никакого отношения? Скажем так: если человек дурак, то это его личная проблема, в этом виноват он сам; но если недалек, не вышел, как принято говорить, умом — только ли его вина в этом? Впрочем, личная определенность ситуации сохраняется и в последнем случае, только теперь она уже трагедийная: нет выбора, приходится нести по жизни ношу, которую к тому же и не сам взвалил себе на плечи.

Когда-нибудь люди наверняка станут задавать себе подобные вопросы. В принципе даже понятно когда — тогда, когда общество станет настолько богатым и разнообразным — в смысле ниш, условий и возможностей для свободного позитивного выбора, что позволит каждому реализовать весь его внутренний потенциал и, как следствие, почувствовать природно-генетические рамки своего социального бытия. Тогда наступит время, придет черед и для “претензий” к природе. Идущий из далекого-далекого будущего гул этих претензий стихийно пробивается уже в наше время. Например, мы его слышим в рассуждениях “логического самоубийцы” по Достоевскому: я не могу дальше терпеть “комедию со стороны природы”, разрываться между истцом и ответчиком в собственном лице и потому приговариваю “эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдания, — вместе со мною к уничтожению...”⁶. Крайняя, но характерная и достаточно последовательная позиция. Немало от сказанного мы находим и в ситуации “маленького человека”. Маленького, потому что не дано (кем? чем?) ему стать великим. И не в людском мнении — это-то как раз возможно, а на самом деле, поистине, в соответствии со своими задатками, притом что личные усилия и старания с необходимостью прилагаются.

Из сказанного следует один очень важный вывод: факт природного неравенства людей может и должен стать фактом социальным — за счет выработки адекватного понимания и соответствующего цивилизованного отношения, как, скажем, к физическому уродству. Отменить или изменить его нельзя (хотя многое уже доступно), а вот по-человечески относиться можно и нужно. Заметим: никакой натянутости в аналогии с физическим уродством здесь нет. Недалекость ума и в самом деле может рассматриваться в качестве инвалидности. Тех, скажем, кто жалуются на свою “дырявую” память, в наше время в Японии уже считают больными и лечат. Разумеется, память еще не весь ум.

Природное неравенство людей — только начало, исходное звено в эстафете их социального неравенства. Следующее звено — микромир, в который рождается или оказывается “по прибытии в этот мир” человек. Новорожденные, пусть и с равными дарами от природы, попадают, как правило, в разные, неравные социальные ниши, создаваемые и охраняемые существующими институтами общества. Главный среди них — институт наследства, наследования. Он очень понятен для родителей: надо же побеспокоиться о своем потомстве, помочь устроить жизнь своему ребенку, но вызывает много вопросов со стороны “незаинтересованного наблюдателя”. Новорожденный субъекта

⁵ Цит. по: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 140.

⁶ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 1. Л., 1981. С. 148.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 100.

⁸ В данной связи интересно рассуждение Иштвана Бибо: “Подобно тому, как общественная функция наследственного ранга изжила себя и подлечит упразднению, — что и было совершенно буржуазной революцией, — точно так изживает себя и общественная функция наследственного капитала... для полной победы трудовой, созидательной формы жизни нужно упразднить передачу по наследству не только графств и королевств, но и фабрик и заводов, чтобы каждый мог вносить свой вклад в общее дело в соответствии с реальными результатами своего труда” (Бибо И. Смысл европейского общественного развития // Венгерский меридиан. Будапешт, 1991.

№ 2. С. 23). Весьма симптоматичны в этом плане и случаи (редкие, конечно), когда богатые родители отказывают своим детям-бездельникам в наследстве и завещают все свое имущество какому-нибудь благотворительному фонду.

⁹ Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000. С. 171.

из себя еще не представляет, есть только некая смутная субъектная перспектива, а социальный статус во многом уже предопределен: социально-культурная среда, в которой (и в которую) рождается человек, становится “повивальной бабкой” всей его последующей жизни.

Речь идет о формировании своеобразных социальных задатков (“социальной породистости”) индивида. Как и природные, они просто данность, оказавшаяся в человеке (у человека) без всяких личных усилий или заслуг с его стороны. Определенно не его это достоинство. По верному замечанию Дж. Ролза, “мы заслужили нашего места в распределении природных дарований не в большей степени, чем заслужили свое стартовое место в обществе. ... Понятие заслуг здесь неприменимо”⁷.

Дальнейшая судьба указанных задатков (станут ли они полнокровными социальными качествами — собственно способностями) зависит, конечно, от индивидуально-жизненной активности человека, целеустремленности и проективной слаженности его бытия, от собственного выбора и приложенных усилий, но это уже другой вопрос. Нас же интересует сам по себе факт стартового неравенства социальных условий, социальной среды индивидов. Можно ли изменить ситуацию к лучшему, т.е. добиться большего равенства, большей справедливости? Не только можно, но и нужно. Опыт истории не подтверждает, в частности, известного пророчества, что богатые будут становиться богаче, а бедные беднее. Бедность — увы! — не искоренило ни одно из ныне существующих обществ. Но у бедности, единой в своей сущностной определенности, есть значительная уровневая дифференциация. Скажем, бедность в XVIII и в конце XX в. — вещи далеко не одинаковые, разные. Разной оказывается и бедность в различных странах.

Выравнивание стартовых социальных условий осуществляется с помощью особых налогов на наследство, поощрения многообразной благотворительной деятельности, разработки и реализации разного рода социальных программ и т. д.⁸ Под выравниванием здесь понимается тенденция, асимптотическое приближение, но отнюдь не состояние “выравненности”, т.е. фактически полного равенства, не примитивный или вульгарный эгалитаризм. Интересное соображение по поводу последнего высказал Ж. Бодрийар: “демократия предлагает равенство в начале, эгалитаризм — в конце”⁹. При нынешнем типе общественного развития, при данной человеческой природе равенство начальных социальных условий практически даже вредно, ибо таит в себе опасность убить все стимулы к созданию и, в особенности, к преумножению самих этих условий. Будет ли смысл напряженно трудиться, создавать богатую инфраструктуру жизни, если известно, что ничего из накопленного наследникам не достанется, что по существу придется начинать все сначала, с нуля. Такое равенство мешает развитию и обогащению социальной связи между поколениями, ведет к застою и деградации всей общественной жизни. Но у нас то разговор о принципиальной и, значит, самой далекой перспективе.

Еще одно звено в рассматриваемой эстафете неравенства — равенство возможностей, которым так гордится демократическое общество. Казалось бы, в этом плане должно господствовать полное равенство. Формально так оно и есть. Возможности действительно могут быть равными — как предложение, открывающийся горизонт, видимая перспектива.

Итак, допустим, что возможности, открывающиеся перед людьми, предоставляемые им обществом и жизненной ситуацией в це-

лом, — равные. Но люди-то неравные. Равенство, приложенное к неравенству, в конечном счете тоже оказывается неравенством. Для равных в принципе субъектов желательны и справедливы равные возможности роста, жизненного продвижения, карьеры. А для неравных? Надо полагать, неравные, точнее, разные, разнообразные. Не равные, а именно разнообразные, чтобы каждый мог выбрать свою, ту, которая ему под силу, которой он в состоянии реально овладеть. Равенство здесь, таким образом, достижимо через создание различного, через многообразие.

Возможности среды или ситуации, в которой находится или оказался человек, необходимо соотнести с его внутренними, собственными возможностями. Наибольший эффект достигается при возникновении своего рода резонанса между этими двумя видами возможностей. То есть когда внешние, системно-ситуационные возможности находят отклик, подтверждение в возможностях внутренних, резервно-личностных, и наоборот. Без этого возможность переходит в действительность лишь благодаря случаю, счастливому стечению обстоятельств.

Следовательно, равенство возможностей предполагает определенную корреляцию возможностей личности и общества (социальной среды). Более того, равенство возможностей реализуемо лишь в той мере, в какой реализуема сама возможность равенства. Реализуема же она далеко не автоматически, не без трудностей и ограничений. В числе последних наибольшей силой обладают рассмотренные выше природно-генетическое и социально-стартовое неравенства. Разумеется, равенство (и разнообразие) возможностей этими препятствиями и ограничениями не перечеркивается, но растягивается в своем фактическом осуществлении на целую “предысторию” (К. Маркс) — до подлинной истории, до смены “царства необходимости” “царством свободы”.

Обсуждая проблему социальной розни в терминах неравенства, его природных и социальных оснований, легче всего перевести разговор в плоскость эксплуатации — ход понятный и давно “протоптаный”. Но мы сознательно не идем на это, пытаясь сохранить чистоту ситуации и выдержать предельное вопрошание, заявленное в самом начале. По отношению к неравенству — образованию базовому, эксплуатация — явление надстроечное. Объяснительный потенциал у него тоже не малый. И все же это отдельный вопрос. Никто ведь еще не доказал, что развитие человеческого общества возможно без эксплуатации чего-то (природы, например) или кого-то (человека, определенных социальных групп). В общем плане, однако, эксплуатация заостряет и отягощает неравенство, но не создает его — во всяком случае, исходно, впервые. Ясно также, что уменьшение эксплуатации — благо для неравенства (в его движении в сторону большего равенства).

Попытаемся теперь ответить на два вопроса: как если не прекратить, то хотя бы уменьшить социальную рознь в обществе? и что дает в этом плане включение указания на социальную вражду и ненависть в соответствующую статью УК РФ?

Первый вопрос, как считают многие, по сути снимается обращением к известному принципу социальной справедливости: “каждому — по количеству и качеству его труда”. То, что этот принцип работает на справедливость и равенство, сомневаться не приходится. Сомнения касаются другого — решает ли он в полной мере проблему социальной розни.

Не все люди, как известно, могут трудиться и обеспечивать всем необходимым свою жизнь. Инвалиды, старики, сироты нуждаются в помощи и заботе со стороны общества. Кроме того, определить (“вычислить”) количественные и особенно качественные параметры индивидуальных трудовых усилий человека не так-то просто. Труд ныне становится все более и более кооперированным, интегрированным, в прямом смысле общественным (обобществленным). Следует учитывать и экологический фактор: он очень неоднозначно влияет на качество труда, вступая нередко в противоречие с его количественными характеристиками. Остается надежда на рынок, его спрос и предложение. Рынок — действительно надежный, веками отработанный механизм эффективного и рачительного хозяйствования. Однако он слишком жёсток, безличен и меркантильно-прагматичен. Рыночная конкуренция выделяет и поощряет сильнейшего. А рассматриваемая нами проблема требует учитывать и интересы слабейшего, т. е. не очень успешного. Нельзя обобщать рыночную экономику на все общество, делать и общество рыночным.

Но главное все же не в том, а в том, что в количестве и качестве труда задействованы, наряду с прочими, факторы, самим индивидом как субъектом не создаваемые, а как бы положенные судьбою — биологическим (гены) и социальным (наследуемый статус) происхождением. И если “труд” трактовать как расходование накопленной энергии, физической и интеллектуальной, то понятно, что “по количеству и качеству” труда может быть разным при одинаковом напряжении совокупных (и лично наработанных, и как дар полученных), реально вовлекаемых сил. Скажем проще: у каждого человека свои, индивидуально разные силы, но напрягаться, быть задействованными они могут одинаково, в равной степени или мере. Но может быть и наоборот: один трудится, что называется, с полной отдачей, другой — с прохладцей, но количество и качество труда у обоих может оказаться одинаковым, равным. Как тогда быть с оценкой? Кому как воздавать? Проблема здесь не только в напряжении всех или не всех (и в разной степени) сил человека, но и в их наличии, в том, откуда они берутся. Если даже все способности являются благоприобретенными, что сомнительно, то и тогда они своими корнями уходят в природно-генетическую почву, неподвластную сознанию и (в меньшей степени) воле человека. Как абсолютный слух у музыкантов, например: он дается или не дается от природы.

Стало быть, решение проблемы социальной розни в связи с социальным неравенством или, по-другому, преодоления ситуации неопределенности в отношении причин богатства и бедности надо искать на каком-то другом пути.

По всем историческим меркам время наше — особенное. Мифы, которые когда-то выручали, не в почете, хотя их по-прежнему много. Рационализированная форма мифа — идеология тоже сдает свои позиции. Имеется в виду деидеологизация, движение к концу идеологической эволюции человечества. Но просвещать и предлагать что-то вдохновляюще-высокое нужно.

Просвещать — значит, убедительно и честно говорить о том, что дифференциации и различия играют большую роль в нашей жизни, чем унификации и тождества, что, в частности, различия в задатках, дарованиях, талантах составляют эволюционную основу механизма конкуренции — этого *perpetuum mobile* истории, создают стимулы для жизненной активности, творчества и развития. Уберите (подавите,

аннулируйте, уравнийте) их — и жизнь начнет заболачиваться, стагнировать, погибать в циклический круг бытия. Одно важное уточнение: говоря о развитии, мы имеем в виду “благодаря различиям”, а не “за счет различий”. Развитие, которое шло за счет различий — отдельных индивидов и целых общественных классов (марксова идея), является теперь достоянием истории.

Что до вдохновляюще высокого, то тут в пору говорить о едином человеческом (общечеловеческом) разуме, который распределяется среди индивидов крайне неравномерно, стихийно, случайно. И потому обладание большим умом не есть какое-то превосходство или избраннычество, а просто индивидуальное отличие, черта характера. Это положение можно считать ключевым для, как сказал бы Ю. Хабермас, демократически просвещенного здравого смысла. Талант и гениальность, в свете сказанного, являются общим (общенародным, национальным) достоянием, которое нужно всячески поощрять и лелеять. Данный капитал важнее и, главное, перспективнее, нежели нефть и газ, вокруг которых так много сегодня вертится. От того, что среди нас есть люди по-настоящему одаренные, с “божьей искрой”, должно быть выгодно нам всем. Разумно ставить вопрос о заинтересованности бедных в предприимчивости богатых, от которых будет прирастать богатство общества в целом, а значит, и доля в нем бедных.

О богатстве общества в целом, или о богатом обществе, стоит сказать особо. Как свидетельствуют исследования, по достижении достаточно высокого общего уровня развития, оппозиция бедности и богатства начинает восприниматься менее болезненно, “различия в доходах на удивление мало сказываются на субъективном благополучии: богатые счастливее и удовлетвореннее бедных, но лишь в скромной мере”¹⁰. Выясняется, что “богатые тоже плачут”. Меняется в этих условиях сам язык репрезентации: с “богатых” и “бедных” на “более успешных” и “менее успешных”.

Ситуацию, однако, упрощать нельзя. Нельзя сводить дискурс просвещения к знанию о активности, к пусть и вдохновляющим, светлым, но голым истинам, к вербальной “связи с общественностью”. Просвещение — действительно эффективное и плодоносное — имеет, должно иметь дело не просто со знаниями, а с убеждениями. Убеждения же есть знания, ставшие руководством к действию, знания, подкрепленные жизненным опытом, активно резонирующие с повседневной практикой бытия. Вот и нужно этим заниматься. Уменьшать разрыв в доходах (до цивилизованно приемлемого уровня), решительно искоренять коррупцию и “прихватизацию” во всех их видах и формах, укреплять (по-настоящему — через трудовой характер создания, накопления-умножения) легитимные основы собственности и богатства, активно рекламировать примеры удачного и яркого сочетания честности и богатства, поощрять продуктивистскую деятельность в целом, фронтально разворачивать общественное мнение (через СМИ прежде всего) на осуждение всех форм нечистоплотного обогащения и чистоганного накопительства, налоговой непрозрачности доходов, вести постоянный диалог власти с народом, всемерно укреплять меритократические и компетентностные начала в политике. Но главное, особенно для тех, кто только вступает в жизнь, — создать действительно (а не формально) равные возможности для раскрытия их внутреннего личностного потенциала, успешной реализации, пусть и на разных уровнях, индивидуальных жизненных проектов. Все существующие и вновь

¹⁰ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

создаваемые институты должны открыто декларировать перспективы (фактически — обязательства) “карьерного” роста для всех членов общества, — перспективы, на которые, как справедливо указывает Б. Виттрок, не просто “допустимо в целом надеяться”, но и “с уверенностью рассчитывать”, соблюдая, естественно, принятые “правила игры”¹¹. Механизм данных правил игры давно и хорошо известен — это свободная и честная конкуренция, которая, при условии свободы и честности, отбирает (выдвигает и продвигает) лучшее и лучших, наполняя жизнь “достижительной мотивацией”. Исход конкуренции, каким бы он ни был (а жесткости и стрессовости здесь предостаточно), является самым справедливым в современном мире. Известно также, что в приличном жизненном тоне весь этот институционально-ценностный комплекс в состоянии поддерживать лишь так называемая публичная сфера — информационно-коммуникативное пространство, где постоянно и ответственно (с выводами для граждан и властей) обсуждаются все важные общественные проблемы, где регулярно ставятся вопросы об исправной работе социальных лифтов общества.

Делая неопределенными и непредсказуемыми такие перспективы-обязательства, сужая или закрывая возможности жизненного роста, игнорируя притязания индивида на значимость (по-своему важное и уважаемое место в этой жизни), мы его озлобляем и делаем легкой добычей для всякого рода оракулов народного счастья. Нет более циничного извращения рассматриваемой здесь ситуации, чем жизнь “по понятиям”.

Теперь о том, что дает институционально-правовая квалификация социальной розни. Прежде всего она бы остудила бездумно-горячие головы и с одной (бедность) и с другой (богатство) стороны, бескомпромиссно пресекая экстремистские формы социальной вражды, превращающей ее в средство властно-политического, а иногда и революционного давления на общество. В долгосрочном плане правовая оценка социальной ненависти и вражды наверняка способствовала бы трансформации алчности и черной зависти в стратегические интересы социального сотрудничества, укрепляющего социальную интеграцию страны в целом. Правовая норма в отношении социальной розни могла бы стать органическим элементом системы социальных ценностей и норм, призванных обеспечивать базовый (базисный) консенсус в обществе. Уже один юридический язык разработки такой нормы, тяготеющий, по общему признанию, к процедурности и однозначности предлагаемых формулировок, мог бы многое дать для конкретизации самой проблемы социальной розни и всей совокупности непосредственно связанных с ней вопросов.

Разумеется, переоценивать возможности правового “оформления” социальной розни (неприязни) не стоит — в отрыве от других факторов и ресурсов оно бессильно. И тем не менее в демократически устроенном или к демократии идущем обществе право благотворно влияет на “моральный дух”, на настроения и нравы, связанные с богатством и бедностью. Оно их смягчает, избавляет от мятежного фермента, “стерильной возбудимости” и крикливости. Но главное — оно содействует развитию “серединой культуры” бытия, культуры, основанной на диалоге, компромиссе и толерантности. Не приходится доказывать, что все эти признания, по сути качества индивидуально- и общественного сознания, жизненно важны для стабильного и безопасного развития российского общества.

¹¹ Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? (Европейские истоки и современность как всеобщее состояние) // Полис. 2002. № 1. С. 145.